

Посвящается Марте

Содержание

Вступление	9
Часть первая. ОТКАЗ ОТ РАЗУМА	21
Глава 1. Демократия ощущений	23
Глава 2. Познание ради мира	59
Глава 3. Прогресс под вопросом	105
Глава 4. Политика тел	145
Часть вторая. ВОЗВЫШЕНИЕ ОЩУЩЕНИЙ.	185
Глава 5. Познание ради войны	187
Глава 6. Игры разума	224
Глава 7. Война слов	262
Глава 8. Между миром и войной	299
Благодарности	335
Примечания	337

Вступление

Пятничным вечером 24 ноября 2017 года в полицию Лондона поступил вызов со станции метрополитена Оксфорд-серкус. Причина вызова была описана словами: «Похоже на теракт». Со станции началась эвакуация, в толпе рвавшихся к выходам людей возникла давка. В новостях замелькали упоминания о якобы прозвучавших где-то выстрелах. В сети стали появляться фото и видео, на которых были видны люди, убегающие в одну сторону, и сотрудники полиции в полной экипировке, продвигающиеся в другую.

Свидетели рассказывали о криках и хаосе, о том, как люди набивались в ближайшие магазины, чтобы спрятаться. Посреди всей этой паники не было ясно, откуда именно исходила угроза, и идет ли речь сразу о нескольких терактах одновременно (как это случилось в Париже двумя годами ранее).

Полиция готовилась к штурму универсама «Селфриджес», а тем временем покупателям велели покинуть здание. В числе покупателей оказалась и знаменитость — поп-музыкант и актер Олли Мерс, тут же оповестивший восемь миллионов подписчиков своего Twitter: «Всем срочно бегом из “Селфриджес”. Тут стреляют!»

Смартфоны с доступом в социальные сети означают, что все случившееся записывалось, распространялось и обсуждалось в реальном времени. Полиция попыталась бороться с паникой, размещая заявления в социальных сетях, но это скорее усиливало волнение, охватившее других обозревате-

лей. Экс-лидер ультраправой «Лиги английской обороны» Томми Робинсон сообщил в Twitter, что происходящее «похоже на очередную атаку джихадистов на Лондон». Журналисты газеты «The Daily Mail» раскопали в той же социальной сети сообщение 10-дневной давности, где говорилось, что «на Оксфорд-стрит автофургон заехал на тротуар». Когда вооруженные сотрудники полиции окружили станцию Оксфорд-серкус, издание лишь на этом основании друг за другом разместило в своем Twitter сообщения «Автофургон давит пешеходов» и «Началась стрельба». Газета не столько сообщала о фактах, как она это делала в лучшие свои годы, сколько еще больше нагнетала панику.

Где-то через час после начала эвакуации людей со станции метро полиция выпустила следующее заявление: «На данный момент не обнаружено никаких следов подозреваемых, улик, признаков стрельбы или жертв». Впоследствии стало известно о том, что девяти пассажирам потребовалась госпитализация из-за полученных в панике травм, но не более того. Несколько минут спустя администрация лондонского метрополитена сообщила в Twitter, что станции снова открыты, а движение поездов продолжается по графику. Еще чуть позже экстренные службы формально завершили работу. Никакого теракта и никакой стрельбы не было.

Но что же было? Получив целый ряд вызовов от встревоженных граждан по поводу стрельбы на улицах и под землей, силы полиции прибыли на место уже через шесть минут, полностью готовые к действию. Но единственным публичным актом насилия оказалась потасовка на забитой людьми в час пик платформе метрополитена, где случайно столкнулись и обменялись тумаками двое мужчин. И хотя причина, по которой кто-то решил, что началась стрельба, осталась неизвестна, паника оказалась достаточной для того, чтобы толпа в страхе стала разбегаться. Создавшаяся в результате волна резких движений распространялась по переполненной платформе и станции в целом, становясь лишь сильнее. Ранее,

в этом же году, в Лондоне уже произошли два теракта, а еще шесть, согласно сводкам новостей, были предотвращены благодаря действиям полиции. Принимая все это во внимание, нетрудно понять, почему паника так быстро распространилась по замкнутому пространству станции.

Подобные «ложные тревоги» случались и раньше. Годом раньше в нью-йоркском аэропорту имени Джона Ф. Кеннеди имела место похожая ситуация. В том случае давка возникла в нескольких терминалах комплекса, когда в Twitter начались сообщения о находящемся где-то рядом «активном стрелке». В одном из объяснений произошедшего говорилось, что толпа начала опрокидывать столбики ограждений, используемых для организации очередей. Сложившиеся вместе звуки удара металла по полу получились похожими на выстрелы. Благодаря сочетанию социальных сетей и воображения параноиков мелкое недоразумение очень быстро оказалось сильно преувеличено.

После инцидента на Оксфорд-стрит владельцы близлежащих магазинов потребовали установить на окружающих улицах систему громкоговорителей «в стиле Токио». Это дало бы полиции возможность обращаться ко всем скоплениям людей сразу. Идея не получила значительного развития, но обозначила проблему. Когда события происходят быстро, а эмоции бьют через край, резко ощущается нехватка разъяснения ситуации сверху. В цифровую эпоху появляющийся в отсутствие четких указаний вакуум моментально заполняется слухами, фантазиями и догадками, часть из которых быстро извращается и преувеличивается в угоду мейнстриму. Страх перед насилием может быть силой столь же разрушительной, как *само* насилие, и сдержать ее, когда она уже разошлась, бывает сложно.

Согласно статистике, реальный шанс погибнуть во время теракта или стрельбы по толпе в Лондоне или Нью-Йорке крайне мал. Однако столь хладнокровное восприятие подобных событий недоступно — да и не особо полезно — тому,

кто прямо сейчас испытывает страх за свою жизнь. После того как паника улеглась, попытаться определить и объяснить, что же фактически произошло, входит в обязанности властей, газетных репортеров и экспертов. Но никто не должен ожидать от людей, что те станут действовать исходя из фактов в момент, когда вокруг них мечется и ревет толпа. Когда моментальная реакция необходима, во главу встают телесные инстинкты.

Подобные события в какой-то мере характеризуют времена, в которые мы живем. Скорость реакции все чаще берет верх над неторопливыми и осторожными оценками. По мере того как мы все больше настраиваемся на информационные потоки «в реальном времени», это неизбежно приводит к вере больше в эмоции и ощущения, нежели прямые свидетельства. Знание начинает цениться за его скорость и эффективность, а не холодную объективность. Порожденные эмоциями заблуждения часто распространяются быстрее фактов. Когда имеет место опасность для жизни и каждая секунда на счету, моментальная реакция оправдана. Но теперь влияние данных «в реальном времени» распространяется далеко за пределы вопросов безопасности. Новости, финансовые рынки, друзья и работа помещают нас в постоянный поток информации, не позволяя остановиться и подумать над более правильным их восприятием. Скрытая здесь угроза заключается в том, что обычно мирные ситуации начинают казаться опасными и впоследствии превращаются в таковые на самом деле.

Современный мир зиждется на двух фундаментальных противоположностях, обе из которых были сформулированы в середине XVII века: между разумом и телом и между войной и миром. Уже более ста лет эти отношения становятся все более размытыми. Как мы увидим далее, развитие психологии и психиатрии в конце XIX века существенно сблизило понятия тела и разума, продемонстрировав, как наши мысли зависят от нервных импульсов и чувств. В на-

чале XX века воздушные бомбардировки принесли в войны практику запугивания мирного населения далеко за пределами линии фронта.

Обе эти противоположности — между разумом и телом, миром и войной — теперь потеряли свой очевидный смысл. Результат этого выражается в том, как ныне мы подвергаемся вторжению вражды в повседневную жизнь. Начиная с 1990-х годов быстрое развитие науки в части изучения нервной системы значительно возвысило понятие мозга как органа над понятием разума, продемонстрировав важность физиологии и эмоций во всех аспектах принятия решений. Тем временем насилие стало приобретать новые формы: государства подвергаются атакам негосударственных группировок, международные конфликты ведутся невоенными средствами (к примеру, кибератаками), а разница между политическим давлением и вооруженным вторжением все больше размывается. С тех пор, как общественную жизнь наводнили цифровые технологии, становится все сложнее понять, что присуще разуму, а что инстинктам; имеет ли место мирная беседа или перепалка. В мутных водах между разумом и телом, миром и войной таятся нервные состояния: отдельные личности и целые правительства живут в постоянной тревоге, все больше полагаясь на ощущения, а не на факты. Разобраться с их происхождением, их природой и является целью данной книги.

* * *

Говоря об *ощущении* чего-то, мы можем подразумевать два разных проявления. Первое — это физические чувства, такие как боль или удовольствие, которые необходимы для нашей ориентации в окружающей обстановке. Наша нервная система получает сигналы из внешнего мира, которые использует для координации тела и инстинктов. Гениальность нейронной сети нашего организма выражается в том, как мгновенно она формирует реакцию на новую информацию, не важно, поступила та извне или от внутренних органов.

Человеческий мозг способен обрабатывать физические ощущения невероятно быстро, что играет, кроме прочего, ключевую роль в защите от внешних угроз¹. Он сам по себе является очень сложным органом чувств, способным со временем сортировать полученные впечатления и строить закономерности их появления. Сами по себе такие ощущения можно не считать знанием. Но это необходимый источник данных, на который мы полагаемся практически постоянно.

Второе — это чувства в смысле ощущения эмоций. Они представляют собой впечатления, которые мы можем осознать и выразить вслух. Наш запас слов для их именования и выражения весьма широк. Мы можем демонстрировать их и физически, используя выражения лица и язык тела. Они сообщают нам важную информацию о наших взаимоотношениях, образе жизни, желаниях и самовосприятии. Подобные чувства появляются в нашем сознании, таким образом позволяя их заметить, даже если у нас нет над ними власти. Сегодня эмоции могут быть опознаны и алгоритмически проанализированы («анализ настроения») благодаря поведенческим данным, собираемым с помощью цифровых технологий. В общественной жизни обвинение в «эмоциональности» традиционно подразумевает, что кто-то утратил объективность и поддался иррациональным порывам.

Чувства позволяют нам направлять себя, в то же время напоминая о нашей общей человеческой природе. Способность ощущать боль и симпатию играют основополагающую роль в том, как и почему мы заботимся друг о друге. Но, как показывают истории массовой паники, случившиеся на станции Оксфорд-серкус и в аэропорту имени Кеннеди, инстинкты выживания и нервные реакции не всегда надежны. Информация, даваемая сиюминутными ощущениями, может разительно расходиться впоследствии с установленными фактически обстоятельствами. Важнейшее их качество — мгновенность — оборачивается недостатком, который может вести к заблуждениям, неадекватным реакциям и страху. Ушлые

дельцы и политики давно эксплуатируют наши эмоции и инстинкты, чтобы заставлять во что-то поверить или приобрести, как окажется при более трезвом подходе, ненужную вещь. Поток мультимедийного содержимого, приносимое технологиями мобильной связи, еще больше расширяет потенциал подобного воздействия. Оно позволяет нам проводить все больше времени в постоянном потоке образов и чувств, все меньше оставляя для осознания и бесстрастного анализа.

В XVII веке ряд европейских мыслителей выдвигали идеи, предполагавшие необходимость управлять чувствами, исходя из того, что те недостойны доверия и возможно даже опасны. Французский философ Рене Декарт относился к физическим ощущениям с большим подозрением, как к противоположности рациональным принципам, присущим разуму. Английский политический теоретик Томас Гоббс утверждал, что основная цель государства заключается в устранении взаимного страха, который в ином случае служил бы поводом для насилия. В ту же эпоху продвинутые круги среди купцов и аристократии выработали новые строгие правила того, как их впечатления должны фиксироваться и упоминаться с целью избежать преувеличений и искажений, в том числе с использованием численных представлений и публичной отчетности. Впоследствии они станут известны под именем «эксперты», чья способность разделять личные чувства и объективные наблюдения окажется для них знаковой.

Этот исторический период породил интеллектуальные основы современной эпохи. Знакомые нам сегодня понятия об истине, научном познании, государственном управлении, экспериментальном подходе и прогрессе — все они являются наследием XVII столетия. Возвышение рассудка над чувствами дало огромные плоды, в прямом смысле перевернув мир своими практическими приложениями. И тем не менее не к одному лишь познанию было то стремление; это также был поиск согласия. По сей день немалая доля значения объективности (будь та выражена в статистике или в экономике)